

Олег Заславский

Логический парадокс как спасение. О стихотворении О. Э. Мандельштама «Один портной...»

Резюме: Стихотворение Мандельштама «Один портной...» содержит не сформулированную явно загадку. Персонаж стихотворения — портной, приговоренный к смерти, — снимает с себя мерку (очевидно, для гроба) и остается в живых. Почему же ему это удастся? Статья выявляет в стихотворении неразрешимое логическое противоречие: субъект мерки — живой человек, ее объект — в перспективе мертвец. Соответственно, статус портного (одновременно и субъекта, и объекта мерки) между жизнью и смертью оказывается неопределенным, а казнь (превращающая живое в мертвое) теряет смысл. Существенным представляется также вероятное анаграммирование имени автора, которое (как и снятие мерки) являет собой действие, обращенное на самого себя и вызванное предполагаемой попыткой автора спасти себя самого в мире тотального террора.

Ключевые слова: О. Мандельштам, интерпретация текста, загадка, парадокс, анаграмма

Один портной
С хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж — портновской следуя манере,
С себя он мерку снял —
И до сих пор живой.

1 июня 1934

Свердловск

(Мандельштам 2020: 310)

Попытки объяснения

Данному стихотворению посвящено лишь небольшое число работ. Это, по-видимому, связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, стихотворение традиционно рассматривается как шуточное и печатается в соответствующих разделах собраний сочинений (как и в случае цитируемого издания). Это обстоятельство было подвергнуто сомнению Д. Черашней, предположившей наличие в стихотворении семантической игры, «которая у Мандельштама, как правило, скрывает отнюдь не комические смысловые глубины (а может быть, высоты)» (Черашняя 2011: 148–149). Однако в чем именно состоит эта «игра», осталось в книге Черашней не выявленным, а собственно анализ текста в ней отсутствует. С другой стороны, при анализе этого стихотворения возникает реальная сложность, состоящая в наличии некоего не вполне очевидного механизма, который проявляет себя в том, что портной остается в живых. Далее мы увидим, что этот механизм является семантическим. В этом отношении стихотворение бросает вызов читателю и может быть сопоставлено, например, со стихотворением Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...». В обоих случаях в текстах присутствует некая загадка, в одном случае сформулированная явно («догадайтесь почему»), в другом — оставшаяся без такой формулировки.

В литературе уже делались попытки разобраться в этом (Сурат 2009, Файнберг/Успенский 2020, Кацис 2020). Главным образом они были связаны с анализом роли слов ‚мера‘ и ‚мерка‘. И хотя соответствующие соображения представляются полезными для анализа этого произведения в целом, ответа на вопрос — почему же портной «до сих пор живой» — там, на наш взгляд, не найдено. Можно предположить, что в произведении действует еще один фактор (помимо собственно словесной игры), в этих работах не учтенный.

Ирина Сурат попробовала связать спасение портного с игрой слов:

Обхитрил он не что-нибудь, а саму смерть, обманул ее, подменив «высшую меру» портновской «меркой». Этим магическим действием он травестировал смерть и отогнал ее от себя. Для самого поэта таким магическим действием является подмена слова, снижение «меры» до «мерки».

(Сурат 2009: 197)

Далее исследовательница делает беглое замечание: «Тот портной сам подготовился к смерти — снял с себя мерку для гроба» (Сурат 2009: 198), но оставляет его без выводов. Так дело в подмене слова или самом характере мерки? Как одно связано с другим? И оказалось ли для спасения важным само действие обмеривания или слово, его обозначающее? Версия Сурат не дает ответы на эти вопросы.

Эта версия также содержит потенциально слабое место. Из нее следует, что портной таким способом (подменив высшую меру портновской меркой) мог бы спасти любого другого приговоренного. В явном виде это в тексте не указано, однако вычленяется из контекста. В стихотворении, однако, говорится лишь об одном-единственном персонаже («Один портной...»), нашедшем неожиданное и эффективное решение. Причем это решение сработало именно благодаря тому, что соответствующий способ портной применил к себе самому, т. е. свойство рефлексивности является в данном случае существенным элементом способа спасения.

Вслед за Сурат обсуждение этого стихотворения было проведено Леонидом Кацисом (2020). Он повторил (почему-то без ссылки) отмеченное нами выше наблюдение Сурат, что портной снял с себя мерку для гроба¹. Кацис сделал также и следующий шаг, проведя сопоставление с фольклорным представлением, согласно которому такое обмеривание еще при жизни грозит живому человеку смертью, но опасность может быть нейтрализована, если найти покойника с тем же именем и прочитать соответствующий заговор. Далее Кацис указывает на различия между фольклорным примером и стихотворением, что, на наш взгляд, лишает этот пример объяснительной силы. Кацис также делает замечание, что портной «сам под своим именем стал мертвецом, но при жизни» (Кацис 2020: 208). Что такое «стать мертвецом при жизни», в статье не объясняется. Категория имени действительно играет ключевую роль в обсуждаемом им фольклорном примере, однако эта категория в контексте стихотворения нерелевантна в том, что касается действий не названного по имени портного². Здесь также потенциаль-

1 Причем Кацис приписал Сурат уверенность, «что речь идет о „портновской мерке“, хотя смерть связана с меркой гроба» (Кацис 2020: 208).

2 Однако, как увидим ниже, она релевантна в совершенно другом смысле.

но содержится еще одно слабое место (свойственное также и версии Сурат). Из рассуждений Кациса следует, что, если бы портной осуществил мерку для другого приговоренного с тем же именем, это помогло бы тому избежать смертной казни, превратив его в «мертвеца при жизни». Между тем, из сказанного выше ясно, что случай портного — уникален. По указанным причинам, интерпретацию Кациса мы считаем неверной³.

Ниже мы предлагаем простое объяснение загадки о выживании, которое опирается непосредственно на текст стихотворения.

Суть парадокса

Главное, на наш взгляд, заключается в том, что в данном стихотворении содержится скрытый логический парадокс. Пока он не выявлен, смысл стихотворения ускользает. То обстоятельство, что он до недавнего времени оставался не замеченным, и приводило в исследовательской литературе к ряду недоразумений и неточным интерпретациям.

Речь в тексте идет именно о снятии мерки с мертвого для похорон, о чем уже писали Сурат (1997: 198) и Кацис (2020: 208). Снятие мерки соответствует стандартным нормам похоронного ритуала, однако в тексте это осуществляется по отношению к живому человеку и, очевидно, действительно носит магический характер в том смысле, что манипуляции с меркой определяют для портного, останется ли он живым или умрет. В самом акте снятия такой мерки проявляют себя два фундаментальных свойства: снимающий мерку является живым, в то время как объект снятия мерки (согласно стандартным нормам похоронного ритуала) — мертвым. Таким образом, портной, сняв мерку с себя самого, *оказался одновременно живым и мертвым*⁴, что сделало

3 Нужно признать, что Кацис все же нащупал (хотя, на наш взгляд, сделал это в неадекватной форме) наличие логического парадокса, связанного со смысловой игрой между такими взаимоисключающими сущностями, как живой и мертвый. О самом парадоксе мы будем говорить в тексте статьи далее.

4 Для современного читателя здесь может возникнуть ассоциация с котом Шредингера. Однако такой кот является квантовым объектом, в то время как ситуация в стихотворении соответствует классическому физическому миру.

казнь бессмысленной и невозможной, так как казнь превращает живого в мертвого — здесь же они с самого начала совмещены.

Попутно выясняется, почему таким способом портной не мог бы помочь любому другому приговоренному, даже если бы тот (например, в силу случайности) носил то же имя. В этом случае субъект и объект мерки были бы разными людьми, первый из них — живым, второй — мертвым. Фундаментальный закон, значимый в данном контексте, состоит в законе *исключенного третьего*: человек может быть либо живым, либо мертвым.

В том, что касается роли логического парадокса в стихотворении, есть еще один аспект, связанный с тем, что в реальной ситуации перед похоронами живой снимает мерку с мертвого: мерка снимается только с тех, кто сам сделать этого уже не может. Тем самым в стихотворении воспроизводится известный парадокс брадобрея⁵: «одному солдату приказали брить тех и только тех солдат его взвода, которые не бреются сами. Возник вопрос, как ему поступать с самим собой» (Виленкин 2005: 12). Этот неразрешимый логический парадокс портной «с хорошей головой» решил тем, что просто нарушил правила отношений живого и мертвого мира, в результате чего остался в живых.

Юриспруденция, логика и слово

Из сказанного выше следует довольно неожиданный результат. Если принять представленные выше аргументы, то получается, что логический парадокс остановил карательную машину. Попытка применить этот вывод к реальной машине сталинского террора привела бы к абсурду: очевидно, что карательный аппарат был чужд логико-философских проблем и не выносил приговоры на основе их решения. Тем самым получается еще один парадокс, в дополнение к формально-логическому.

Однако соответствующее противоречие может быть разрешено, если учесть общий характер стихотворения и соответствующую ему меру условности, не допускающую слишком буквальных применений художественного текста к внеположной ему реальности (хотя ее и учи-

5 Этот «классический» парадокс также называется иногда антиномией Рассела.

тывающую). Подчеркнем, что учет условного характера стихотворения, связанный с ролью слова и магии, сделан и в других версиях объяснения, упомянутых выше, — работах Сурат, Кациса, а также монографии Вероники Файнберг и Павла Успенского (2020). Вопрос лишь в том, как именно проявляет себя эта условность.

По нашему мнению, в этом стихотворении содержится не только описание чудесного спасения героя, но и пародия на то «правосудие», которое осудило его на смертную казнь. Пародийный характер проявляет себя как раз в спасении портного — из-за того, что карательная машина фактически реагирует на логико-философский парадокс. Ведь сталинские «правовые» органы и государство в целом позиционировали себя как стоящие на страже незыблемых законов и карающие за попытку их нарушения, причем если это нарушение касалось фундаментальных законов общества, то за это полагалась смертная казнь.

И вот поэт как бы принял это допущение и дал в стихотворении описание мысленного эксперимента. А именно: предположим, что такое государство действительно является полностью «правовым» и поступает в полном соответствии с законами. Именно в этом месте проявляет себя роль слова, которому номинально подчиняется судебная машина государства. Что тогда получится в результате?

Этот результат фундаментален — он выходит за конкретно-исторические рамки и демонстрирует несостоятельность мира, построенного целиком и исключительно на однозначных правилах и логике позитивизма. Неизвестно, за нарушение каких законов советского государства портной был приговорен к высшей мере. Но автор показал, как его герой демонстрирует, что перестает работать еще более фундаментальный закон, закон бытия — абсолютное разделение на живое и мертвое, а также правило элементарной логики — закон исключенного третьего. Воплощенный в стихотворении логический парадокс показывает, что бывают ситуации, когда однозначное разделение на соблюдение законов и их нарушение становится невозможным.

В стихотворении значим исторический контекст: сочетание «высшая мера» стало юридическим термином при советской власти и по-

лучило широкое распространение в сталинском государстве⁶. Однако поэт, не прибегая ни к каким политическим аргументам, показал нелепость и нереализуемость подразумеваемых претензий этого государства на законность.

Нарушение оказалось двойным: 1) поэт как бы показывает: мир сложнее, чем позитивистские представления, основанные на прямолинейной рационалистической логике; 2) «правосудие», основанное исключительно на такой логике, недействительно.

Перепутывание противоположностей проявляет себя и в других отношениях. Мерка снимается согласно «портновской манере», но такая манера состоит в обмеривании не всего человека, а только его тела, исключая голову. В контексте же стихотворения, как было отмечено в упомянутых выше работах, мерка, которую портной обычно осуществляет по отношению к живым людям, проецируется на обмеривание мертвеца для положения в гроб, для чего требуется полный рост. Соответственно, получается гибрид мертвого тела из похоронного обряда и живой головы, в чем и проявляется тот факт, что голова — «хорошая».

Автор и персонаж

Проблематика стихотворения проявляет себя и на метауровне. В последней (а потому выделенной) строке содержится анаграмма имени автора ОСИП: «[...] и дО СИх Пор живой». Более того, все заглавные первые буквы строк (их «головы», т. е. капители) представляют собой замаскированный акростих, содержа исключительно буквы имени ОСИП. А то обстоятельство, что здесь значимыми элементами оказываются именно заглавные буквы, вновь актуализует мотив головы.

Такой прием подчеркивает, что автор стихотворения как бы повторяет опыт портного с хорошей головой и «заклинает» самого себя, свою судьбу от смертельной опасности, которую Мандельштам в 1934 году не мог не чувствовать. При этом реализовало себя структурное

6 Выражение «высшая мера уголовного наказания» (или «высшая мера социальной защиты») в качестве юридического термина впервые зафиксировано в статьях Особенной части УК РСФСР 1926 года («Контрреволюционные преступления»). См.: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956

соответствие между тем, что происходит внутри стихотворения, и вне его. Это относится к свойству рефлексивности, обращенности действий на самого себя: портной снимает с себя мерку, а автор «с хорошей головой» вставляет в текст скрытые знаки своего присутствия. При этом автор, благодаря этому обстоятельству, как бы становится своим персонажем. Происходит нечто подобное тому, что произошло между живым и мертвым внутри текста — удвоение идентичности, когда у одного и того же объекта оказываются две разные ипостаси.

Заключение

Ранее мы уже указывали на наличие парадокса в семантической структуре другого стихотворения Мандельштама, причем этот парадокс был связан как раз с невозможностью однозначной идентификации важнейшего его элемента⁷. В данном случае мы столкнулись с совсем другим парадоксом, который, однако, также обладает этими свойствами. Здесь затронута существенная черта поэтики Мандельштама: в его творчестве, помимо бросающихся в глаза «темных» мест, есть также скрытые парадоксы и загадки.

В данной статье мы ограничились внутритекстовым разбором стихотворения, сосредоточившись на ряде аспектов ее внутренней структуры. За пределами нашего исследования остался ряд других важных тем — исследование метра и рифмы, биографические аспекты (обстоятельства написания стихотворения — по дороге в ссылку и преломление в нем жизненных впечатлений автора) и т. д. Отдельный вопрос состоит в исследовании литературных параллелей⁸. Все это требует отдельного рассмотрения.

7 Речь шла о стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...», где статус получателя перстня оказывался неясным (Заславский 2018).

8 Здесь ограничимся одним кратким замечанием. Портной проявляет смекалку и, нарушив «очевидные» стандарты, выигрывает у силы, многократно его превосходящей. В этом отношении здесь возможна параллель с храбрым портным из сказки Гримм.

Литература

- Виленкин, Наум (2005): *Рассказы о множествах*. 3-е изд. Москва: МНЦМО.
- Заславский, Олег (2018): «Парадоксы отсутствия. (О стихотворении О. Э. Мандельштама „Дайте Тютчеву стрекозу...“)», в: *Новый мир* 8, 183–188.
- Кацис, Леонид (2020): «К выходу в свет книги: П. Успенский, В. Файнберг. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. CCVI). 360 с.: Заметки читателя историко-филологической и мандельштамоведческой литературы. XIX. Критика интертекстуального мандельштамоведения (с большими подтекстами и тонкой фразеологией)», в: *История. Ostkraft* 5–6, 191–217.
- Мандельштам, Осип (2020): *Полное собрание сочинений и писем*. Т. 1. Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца. Изд. 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Интернет-издание.
- Сурат, Ирина (2009): *Мандельштам и Пушкин*. Москва, ИМЛИ.
- Файнберг, Вероника / Успенский, Павел (2020): *К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Черашняя, Дора (2011): *Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения*. Ижевск: Удмуртский госуниверситет.